

ПЕРМАНЕНТНЫЙ ПРОГРЕСС РОЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОТЕРАПИИ: РОЖДАЯСЬ ЕЖЕСЕКУНДНО ЗАНОВО

И.А. ПОГОДИН

В фокус внимания настоящей статьи помещены представления о дискретности человеческого существования. Вслед за Декартом автор утверждает, что человек — это существо, которое каждую секунду рождается заново. В некотором смысле статья предполагает ревизию традиционного континуально-детерминистского подхода к анализу природы человека. Особое место занимает анализ свободного и ответственного акта выбора, который опосредует рождение человека. По мнению автора, только на представлениях о дискретной природе человеческого существования может быть построена теория переживания и выбора.

Ключевые слова: дискретная и континуально-детерминистская концепции человека, выбор, переживание, ответственность, миф о стабильности психического, личность.

Фундаментальной ошибкой современной психологии является отчаянное стремление придать психическому устойчивый, прогнозируемый во времени статус. Так, мы с вами привыкли считать, что человек — существо постоянное, живущее более или менее предсказуемым во времени образом. Психология даже создала для описания этого феномена специальную категорию — личность, под которой вне зависимости от школ и подходов в западной науке чаще всего понимается некая субстанция, обладающая своей структурой, которая сформирована в значимых для человека отношениях, определяет его поведение (по крайней мере, наиболее значимые его паттерны) и является *относительно устойчивой во времени*. Таким образом, поведение человека можно изучить и затем предсказать. Поэтому можно вполне рассчитывать на то, что наша жизнь будет оставаться такой же более или менее постоянной.

Миф о стабильности психического как реакция на хаос в современной культуре

Возможно, поведение человека можно изучить и предсказать. Именно на этом «факте» основана легитимность психологии как науки. Однако принимая такого рода положение вещей за реальность, мы упускаем из виду одно неприятное обстоятельство, состоящее в следующем. Оуществование психологии как научного проекта предполагает не только исследование определенных психологических закономерностей и констатацию их, но и не в меньшей степени — пропаганду этих закономерностей. Иначе говоря, сама психология и формирует постоянство «открытых» ею закономерностей, обеспечивая их стабильность во времени. Проще говоря, если мы рассматриваем человека как некий предсказуемый психический объект, то со временем он и становится таким. Этот механизм опосредуется принципом бихевиорального подтверждения. И чем значительнее становится влияние психологии в современном обществе, тем в большей степени подтверждаются ее законы и концепции. И, наоборот, чем больше открытых психологических «фактов», тем влиятельнее становится наука о человеке. Таким образом, сама психология с ее концепциями стоит на страже константности психического. Очевидно, в этом и заключается ее культурная миссия, о которой я упомянул чуть выше. Западной культуре просто понадобилось средство, с помощью которого можно было бы реализовать ее тенденцию к стабильности.

Возникновение в 20-м столетии множества психологических теорий личности, по всей видимости, было не случайным. Возможно, человеческой цивилизации потребовалось сформировать иллюзию стабильности в эпоху чрезвычайного возрастания хаоса. Чего только стоит информационный взрыв, произошедший в 20-м столетии и продолжающийся в нашем! Появление интернета увеличило его силу до бесконечных размеров. Полагаю, именно поэтому такое явление как психодиагностика стало столь популярным в современной психологии. Да и не только в психологии, но, как уже упоминалось, и в общественном сознании. Психология просто очень точно отражает нужды современной культуры, которая вопиет от хаоса и вопрошает об иллюзии хоть какой-нибудь стабильности. И несмотря на то что в психодиагностику всерьез мало кто верит, тем не менее, ее популярность никак не уменьшается. Наоборот, только увеличивается со временем. И в психологической науке, и в общественном сознании психодиагностика стала чем-то вроде алтаря, у которого человек получает успокоение и суррогат покоя.

Сказанное справедливо и в отношении процесса популяризации психологических фактов и закономерностей, результаты которого все-

ляют в людей веру, что при помощи психологических знаний можно контролировать не только свои чувства и поведение, но и поведение других людей. Этот процесс — популяризации психологии по типу «сам себе психолог» — в настоящий момент приобретает совершенно самостоятельную жизнь, на фоне которой научная психология уже даже и не проглядывается. От нее осталась только символ гарантии — «наукой доказано, что...». Сама же наука людям уже не так интересна, как возможности ее прикладной эксплуатации с целью контроля себя и других. Дозаказательство тому — перспективные планы крупных издательств и полки книжных магазинов. Зайдите в любой магазин или откройте официальный сайт любого крупного издательского дома. Вы обнаружите, что подавляющее большинство публикуемых книг — это руководства популярного характера или научные и околонучные тексты, носящие прикладной характер. Психология как наука перестала быть интересной читателю. Об этом вам скажет любой издатель, который в наше время еще удержался на плаву.

Итак, психология, на гербе которой яркими красками нарисована возможность управления собой и другими, оказывается вовлеченной в качестве средства в реализацию глобальной задачи, которую ставит перед ней современная культура. И эта задача заключается в оснащении человека инструментом совладания с тревогой — тревогой от хаоса современной жизни, жизни, предсказать которую становится все труднее, жизни, которая изменяется столь стремительно, что приспособиться к ней оказывается все сложнее. И психология довольно эффективно выполняет это негласное системное поручение. В полной мере можно сказать, что мы присутствуем в эпоху формирования мифа, мифа о стабильности психического. По иронии судьбы эта миссия возложена на науку, каковой формально в общественном сознании продолжает оставаться психология. Я говорю «по иронии судьбы», поскольку наука и мифотворчество традиционно относились к совершенно различным, даже разнонаправленным процессам. Мне кажется, тот факт, что это произошло, свидетельствует об отчаянном положении современной культуры, которая прибегла к антимифотворческой репутации науки для формирования глобально важного мифа.

Я бы отметил, что современная нам культура, развивающаяся по линии хаоса и увеличения энтропии, достигла некоторого состояния, в котором ощущается очевидная угроза. А именно — угроза утраты стабильности социальных и психических процессов, что означает опасность для существования каждого отдельного человека и человеческого общества в целом. Вот тут-то и появилась необходимость в мифотвор-

честве. Более конкретно — возникла необходимость в мифе о стабильности психического. Формирование иллюзии константности психологических процессов, свойств, состояний, паттернов и прочего способствует снижению тревоги людей относительно экспансивного роста количества феноменов в современной культуре, которые принципиально непредсказуемы и не поддаются никакому рода контролю. Разумеется, психология вносит вклад лишь со своей стороны в этот глобальный процесс противодействия росту энтропии и хаосу. С другой стороны, иные социальные сферы современной культуры и отрасли науки также вносят свой вклад в единый процесс стабилизации. В рамки настоящей статьи не входит культурологический анализ современной социальной ситуации в человеческом обществе. Поэтому ограничусь лишь констатацией положения вещей в психологии и психотерапии.

До сих пор мы говорили лишь о психологии. Но сказанное в полной мере относится и к психотерапии, корни которой находятся именно в психологии. Любая психотерапевтическая школа в своем основании имеет ту или иную психологическую теорию. За последние сто лет изменилось положение и в психотерапии. В частности, радикально трансформировалась клиническая ситуация. Раньше, по всей видимости, не было необходимости в стабильности. Миф о стабильности понадобился именно сегодня. По всей видимости, это связано с психологическими задачами, которые приходилось ранее и приходится сейчас решать человеку. Например, задачи, которые приходилось выполнять человеку на заре появления психотерапии в начале прошлого столетия и которые стоят перед ним сегодня, мягко говоря, значительно разнятся.

Если во времена З. Фрейда человеку предписывалось обществом контролировать лишь себя, в частности, свои желания, то сейчас перед ним нарциссическая напряженность современной культурной ситуации ставит более глобальные задачи. Сегодня человек вынужден контролировать не только, а возможно, и не столько свои желания, сколько окружающий его мир. Проблема контроля разрослась до чудовищных размеров. Теперь базовая безопасность индивида кроется не внутри его психики, а распространяется на все поле его взаимодействия с окружающим миром. В свою очередь мир раковой опухолью вторгается в жизненное пространство человека, от чего последний отчаянно защищается. Еще несколько столетий назад образованный человек мог знать все, когда-либо написанное другими. До введения в книжно-издательский обиход национальных языков культурный свободный человек мог на протяжении жизни прочитать все написанные и изданные на греческом и латыни книги (это примерно 7—10 тыс. томов). Последние же столетия объ-

ем информации разросся до невероятных размеров. Но последний век «переплюнул» эту динамику, затмив своим информационным потоком предыдущую тенденцию цивилизации. Сегодня мы не только не приближаемся к возможности знать все, а с потрясающим ускорением отдаляемся от нее. Все это напоминает динамику Вселенной, которая расширяется в разные стороны с ускорением¹. И эта радикальная трансформация способа обращения с информацией произошла именно в 20-м столетии, безвозвратно закрепившись с появлением интернета.

Сказанное справедливо и имеет значение не только для теории психотерапии, но и для психотерапевтической практики. В частности, если еще сто лет назад психосоматическое заболевание связывалось с вынужденностью для человека контролировать свои влечения, то теперь психосоматический симптом стоит рассматривать как отчаянную попытку проконтролировать мир. Пришедшая на смену истерии вегето-сосудистая дистония и появившаяся в 20-м столетии булимия тому доказательство. Учитывая все вышесказанное, самое время задуматься, каким образом должна измениться психотерапевтическая практика в 21-м столетии.

Побочный эффект распространения мифа о стабильности психического, или какова цена шаткого умиротворения

Как я уже отмечал немного выше, миф о стабильности психического делает ежедневную жизнь человека более устойчивой. Более того, по всей видимости, он стабилизирует также и некоторые культурные процессы. Теперь мир представляется каждому отдельному человеку как нечто, что можно контролировать и чем можно управлять. Как следствие появляется некая уверенность, что мне ничего не угрожает. И с точки зрения культуры в целом, равно как и повседневной жизни обывателя, это прекрасно. Но вот какую цену приходится заплатить и культуре в целом и каждому человеку в частности за это чудесное избавление от тревоги неопределенности? Сколько стоит «победа» над хаосом, собственным психологической жизни?

Такая «победа» автоматически предполагает отказ от изменений в человеке и культуре, которые могли бы произойти. Так, например, наше сознание и представления о мире оказываются ограниченными и

¹ В данном случае я имею в виду ситуацию, описанную в теории Большого Взрыва. Согласно этой концепции, после Большого Взрыва, который породил Вселенную, все составные ее части со всевозрастающим ускорением разлетаются друг от друга. Причем скорость расширения Вселенной превышает скорость света. Таким образом, если сегодня мы не видим еще свет далекой звезды, который стремится к нам, то уже и не увидим его вовсе.

ригидными. Человек в процессе своей жизни, как правило, в этом случае изменяется лишь незначительно, если вообще изменяется. Как следствие, витальность утрачивается. Или человек для поддержания ее прибегает к различным формам аддикции — стремится к острым ощущениям, не замечая в повседневности каких бы то ни было оснований для переживания своей Жизни, употребляет препараты, изменяющие состояние сознания и пр. С другой стороны, ригидность представлений о реальности налагает свой особый отпечаток на возможность человека переживать кризис. Так, если в его довольно стабильную жизнь вторгается тот или иной фактор, резко трансформирующий жизненную ситуацию, то человек зачастую оказывается не готов встретиться с такого рода изменениями.

Жизнь человека, разворачивающаяся на принципах мифа о стабильности, не использует чрезвычайно богатые ресурсы витальности поля. Мы сами обкрадываем себя, не давая возможность себе заметить нечто, не укладывающееся в рамки self-парадигмы — новые неожиданные чувства, ощущения, образы, мысли и пр. Власть любого мировоззрения, которое ригидным образом определяет поведение как отдельного человека, так и человеческого сообщества в целом, зиждется на мифе о стабильности психического.

Этот миф о зачастую проявляется в сверхценности нашего «прошлого», что серьезным образом осложняет порой жизнь человека в настоящем. «Прошлое не воротится», как поется в какой-то популярной песне. Однако это не только тезис общественного сознания. Практически вся современная психотерапия основана на сверхценности прошлого. Например, психоанализ из прошлого просто сделал культ. Все, что бы ни делал человек сегодня, какими бы симптомами соматического или психического свойства он ни страдал, все детерминировано фиксированным прошлым. И вот в психотерапии мы тратим годы, чтобы убедиться в том, что прошлое неизменно. Дорогостоящий проект получается. Причем как показывает опыт, чем более человек привязан к ценности стабильности психического, тем в меньшей степени он изменяется в процессе психотерапии. Прошлое в данном случае становится лишь средством объяснения настоящего — проблем, симптомов, сложностей в построении отношений и пр. Таким образом в процессе психотерапии, принимающей примат о стабильности психического, клиент становится все более компетентным относительно проблем своей жизни. А вот изменения в ней если и происходят, то скорее не благодаря этой стабильности, а вопреки ей, для чего зачастую оказывается необходимым изменить «прошлое». По мнению Д. Стерна, «если настоящее

не может изменять прошлое, то психотерапия невозможна» [из личной беседы с Жаком Блезом]. Итак, миф о стабильности психического, создавая основу для устойчивости человека в жизни, с другой стороны, накладывает существенные ограничения на возможности психологических изменений в ней.

Расплата за поддержание мифа о стабильности реальности, в частности — стабильности психического, происходит не только в жизни отдельного человека, но и в культуре в целом. Например, в науке. Так, прорыв в науке — это скорее чудо, чем следствие естественной логики ее развития. Мы не готовы увидеть то, что мир (поле, переживание) мог бы демонстрировать нам постоянно. А если кто-нибудь из ученых чудом обратил внимание на то, чего никто ранее не видел, он может в течение довольно длительного времени осмеиваться и подвергаться нещадной критике. История полна таких примеров. Да и то мы знаем только о \situациях и событиях в научном мире, которые закончились успехом для создателей новых теорий. А сколько свободных и творческих умов оказались погребенными под снежной все уравнивающей лавиной мифа о стабильности психического, только Бог знает. На фоне этого правящего мифа любая неожиданная мысль, идущая вразрез с ним, оказывается чудом. Чудом в том смысле, о котором говорил Р. Декарт и вслед за ним М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, 2002, 2002]. Они утверждали, что настоящая мысль невозможна. Невозможна, но случается. И это чудо. Чудо в том смысле, что этого не должно было быть, а есть. Даже такой гигант мысли как Р. Декарт утверждал, что по-настоящему мыслить можно лишь 4 часа в году [Мамардашвили, 2001; Декарт, 2006]. Полагаю, что любая оригинальная мысль существует лишь как акт предательства по отношению к мифу о стабильности психического. Акт смелого и мужественного предательства. В некотором смысле это всегда эстетический акт, в котором появляется некая новая форма — форма мысли, форма образа и пр.

И здесь мы совершенно логичным образом оказываемся еще в одной сфере человеческой цивилизации, которую затронул миф о стабильности психического. Речь идет об искусстве. Так, мы с вами готовы видеть и ценить лишь формы и образы, к которым привыкли за долгие годы своей жизни. Почему апельсин или яблоко, например, круглые? Возможно, мы просто не в состоянии воспринять квадратный фрукт? Почему дерево зеленое и имеет строго определенную форму? Может, мы снова зафиксированы в рамках существующих ригидных представлений? Да, возможно, апельсин и был круглым вчера, так же как и дерево оставалось зеленым до настоящего момента. Но почему бы им не ока-

заться вдруг иных формы и цвета сегодня? Уж не потому ли, что мы просто не в состоянии усмотреть этот факт? К слову сказать, искусство как раз и представляет собой порой титанически трудную и отчаянную попытку вырваться за пределы наших представлений о реальности. Возможно Художник — это, человек, который оказывается в состоянии узреть новости, происходящие в мире. Именно по этой причине искусство оказывается врагом мифу о стабильности реальности. Оно развенчивает его ежедневно.

Ведь не секрет, что наше восприятие определяется нашими же концепциями. Например, мы видим лишь то, что готовы увидеть. В некотором смысле восприятие и концепции вступают в сговор, взаимно сохраняя статус-кво. Восприятие не меняется, подстраиваясь под концепции. По этой же причине концепции в свою очередь не нуждаются в пересмотре. Именно поэтому Художник (в широком смысле этого слова — ученый, философ, живописец, поэт и пр.) является революционером. Имея мужество заметить в реальности нечто, что еще секунду назад не замечал никто, он тем самым участвует в создании новой реальности. Соответствующие прежней реальности концепции должны быть при этом пересмотрены. Так происходит развитие. Применительно к сфере научного развития эта закономерность с подачи Куна получила название парадигмы. Однако, по всей видимости, сказанное справедливо и в отношении других сфер жизни и деятельности человека — в искусстве, политике, экономике и пр. Этот термин нами был также заимствован применительно к сфере психического. Так в методологии диалогово-феноменологической психотерапии появились представления о self-парадигме.

Тем не менее, описанный мною только что процесс является не правилом, а исключением из него. Восприятие нового, равно как и любая попытка передачи окружающим этого нового, является в декартовском смысле слова чудом, предполагающим изрядную долю личного мужества Художника. Этого не должно было бы быть, но есть — новый образ, оригинальная мысль, свежая форма, революционный выбор случились, несмотря на тираническое давление мифа о стабильности реальности. Иначе говоря, развитие в любой из сфер человеческой активности происходит не благодаря, а вопреки царствующим представлениям о стабильной реальности.

Рождаясь ежесекундно заново, или феноменологическая альтернатива мифу о стабильности психического

Полагаю, в некоторой степени мне удалось представить вам, уважаемый читатель, сущность индивидуалистической парадигмы в совре-

менной психологии и психотерапии, эксплуатирующей миф о стабильности реальности в целом и константности психического, в частности. Существует ли альтернатива этому традиционному подходу? Думаю, да.

Мы привыкли думать, что мы постоянны. Что наше с вами существование континуально по своей природе. А, следовательно, из ситуации «я настоящий» с необходимостью вытекает ситуация «я будущий». Со своей стороны, «я-минуто-назад» в полной мере детерминирует «я-это мгновение». Иначе говоря, мы протяжены во времени. Но так ли это на самом деле? Существовали ли мы вчера, минуто назад, или даже секунду назад? Никаких достоверных свидетельств тому, на мой взгляд, просто не существует. Есть лишь интерпретации происходящего, мы предпочитаем просто делать вывод о реальности, основываясь на допущении, что мир существовал до этого мгновения. Но, повторюсь, это лишь допущение! Только в этом случае, как нам кажется, задача, посвященная привычным для нас жизненным целям, может быть решена без чрезвычайно сильной тревоги. По аналогии с математическими задачами, «допустим, что я и мир вокруг меня существовал минуто (час, год, столетие и пр.) назад».

Сомнения в том, что существование человека и мира континуально, зародились не сегодня. Они появились с возникновением самой философии. В следующих работах я предполагаю предпринять более широкий историко-философский экскурс в эту проблему. Здесь же ограничусь лишь описанием и прикладным значением тезиса о дискретности человеческого существования. Что, если меня просто не существовало еще мгновение назад? Так же, как не существовало вас, читающих эти строки? Что, если вы появились лишь в этот момент, создав себя, мир вокруг вас, равно как и этот текст, по строкам которого вы сейчас пробегаете своими глазами? И не будет никакого момента после этого. «А как же мои воспоминания?», — спросите вы. Их вы создали вместе с этим мгновением так же, как и фотографии, на которых вы изображены. Ровно так же, как вы создали только что и меня, и диалогово-феноменологическую модель психотерапии. Так же, как и всю Вселенную.

Основатель философии Нового времени Р. Декарт утверждал, что человек — это существо, которое каждое мгновение рождается заново [Декарт, 2006; Мамардашвили, 1992]. Философ имел в виду философский аспект существования, а именно *cogito*, которое и представляет собой этот акт рождения. Однако в сочетании с современными положениями квантовой физики этот тезис может приобрести и радикально иное звучание. Мы знаем, что Вселенную создает наблюдатель. Но упускаем из виду тот факт, что сам наблюдатель возникает лишь в этом ак-

туальном акте наблюдения. Или говоря словами феноменологии — в акте осознания. Таким образом, никакой Вселенной до акта наблюдения просто не существовало. С точки зрения феноменологии, мы существуем лишь в точке осознания. Ни до, ни после нас нет.

Сказанное, разумеется, справедливо и для психотерапии — каждое мгновение клиент создает своего терапевта и ситуацию терапии. И наоборот, каждую секунду терапевт создает своего клиента и терапевтическое пространство. Но это еще не все. С точки зрения методологии диалогово-феноменологической психотерапии, контакт обладает совершенно самостоятельным статусом. Иначе говоря, не только я и клиент создаем друг друга вместе с ситуацией терапии, но и собственно терапевтический контакт рождает нас обоих. У величайшего философа 20-го столетия М.К. Мамардашвили есть одна замечательная идея, относящаяся к природе художественного произведения. По его мнению, не только автор создает произведение, например, книгу, но и оно само создает его. И не в меньшей степени. В конце произведения автор уже иной. Более того, он ежесекундно меняется в процессе его создания.

Мне кажется, это в полной мере аналог психотерапии. В конце психотерапии я уже иной потому, что не только я создаю психотерапевтический процесс, но и он создает меня. И чем больше я вкладываюсь в этот процесс, тем значительнее эти изменения. Сказанное справедливо и для клиента, и для терапевта (для первого не меньше, чем для второго) — чем больше они вкладываются в создание проекта своей психотерапии, тем значительнее она влияет на них. По ходу этого описания для меня все отчетливее вырисовывается эстетический характер психотерапии. Психотерапия представляется мне неким видом искусства. Произведением же этого жанра является терапевтический контакт, а авторами являются все трое — терапевт, клиент и собственно терапевтический процесс.

Но вернемся же к дискретности мира и человека. Полагаю, говоря словами И.Р. Пригожина, что мы живем в эпоху глобальной бифуркации. Следующая точка нашего пути нам неизвестна — где мы возродимся вновь, в какой ситуации, в каком контексте? Рождаясь, мы создаем не только себя, но и весь мир вокруг. Вот такая трансформация взгляда на природу человека. Поэтому и клиническая ситуация изменилась неузнаваемо. Теория катастроф, описывающая «эффект бабочки», также могла появиться лишь в наше время. Несмотря на усилия теоретической и прикладной психологии культивировать миф о психической стабильности, последний не избавляет нас окончательно от тревоги неопределенности, поскольку со своей стороны информационный поток, который спровоцировал появление хаоса и неопределенности, никак не

останавливается от этого. Наоборот, только усиливается, выливая на наши сердца и головы все больший объем информации, растущий в геометрической прогрессии. Таким образом, новые исследования не только не стабилизируют культуру, но и, наоборот, расшатывают ее. Но и здесь культура «перестраховалась», не позволяя ассимилироваться опасным исследованиям. Например, несмотря на то, что первым экспертам в области квантовой физики уже более ста лет, их результаты почти никак не интегрировались в общественное сознание. В отличие от исследований психологии, подтверждающих «стабильность психического», результаты которых как метастазы с потрясающей для культурных процессов скоростью распространились в общественном сознании людей. Таков механизм тотального «заговора» с целью сохранения стабильности культуры.

В заключение этой статьи я хотел бы поместить небольшой комментарий относительно важнейшей проблемы психотерапии — выбора. Ранее я уже описывал природу выбора довольно подробно [Погодин, 2011]. Однако за рамками описания остались мотивационный и временной аспекты этого основополагающего для нашей жизни акта. Традиционно выбор понимается как некоторое решение, которое принимает человек, находясь в континууме своей жизни. Повторю, сделав на этом тезисе акцент — решение принимается человеком в континууме своей жизни, а значит, в полной мере включено в него. Отсюда два следствия. Во-первых, актуальное решение включено в цепочку прошлое-настоящее-будущее. Оно в полной мере опосредовано взаимодействием настоящего с другими секторами феноменологического поля — прошлым и будущим. Другими словами, именно прошлое и будущее детерминируют актуальный выбор. Во-вторых, мотивирующим источником выбора является то или иное чувство, которое производно либо от предвосхищения будущего, либо осталось в наследство от прошлого. Такого рода выбор уничтожает сам себя в основании. Он уже по определению несвободен ввиду того, что детерминирован.

Как же трансформируются представления о природе выбора при принятии дискретной природы человеческого существования? Существует лишь это актуальное мгновение, другого просто нет. И выбор является тем местом и тем средством, благодаря которым человек и рождается. Иначе говоря, акт выбора — это и есть тот акт, в котором рождается и человек, и вся Вселенная. Как же меняется мотивационная окраска выбора при переходе из прежней методологии в новую дискретную? Впервые появляется ответственность. Ответственность за то, что я создаю — какого себя и каких окружающих меня людей. Разумеется, что в

отличие от прежнего способа выбора этот насквозь пропитан тревогой. Однако именно это и позволяет состояться акту выбора, поскольку именно при этих условиях появляется ответственность. При прежнем понимании выбора он мог быть регулируемым чем угодно, только не тревогой и ответственностью — виной, стыдом, страхом и т. д. Однако невра и ответственность — это разные вещи. Первый избавляет человека от тревоги, тогда как второй предполагает уважение к ней и переживание ее в едином акте сотворения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А.* Два источника морали и религии. — М.: Кано, 1994. — 346 с.
- Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. — М.: Прогресс, 2001. — 352 с.
- Мамардашвили М.К.* Философские чтения. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 832 с.
- Декарт Р.* Сочинения. — М., 2006. — 656 с.
- Википедия: Апперцепция. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аперцепция>.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 576 с.
- Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974—1975 учебном году. — СПб.: Наука, 2005. — 432 с.
- Википедия: Смысл. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Смысл>.
- Погодин И.А.* Диалоговая модель гештальт-терапии: сборник статей. В 5 т. Т. 4. Диалогово-феноменологическая модель контакта / И.А. Погодин. — Минск, 2009. — 102 с.
- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. — М.: Прогресс, 1992. — 416 с.
- Погодин И.А.* Диалоговая модель гештальт-терапии: сборник статей. В 5 т. Т. 5, кн. 1. Психотерапия переживанием / И.А. Погодин. — Минск, 2011. — 120 с.

LIFE AS THE CONTINUOUS ACT OF A BIRTH

I.A. POGODIN

The representations about discrete human existence have placed by the author in the focus of attention of present article. After Descartes the author asserts that the person is a being which every second is born anew. Somewhat article assumes audit the traditional approach to the human nature analysis. The special place in article occupies the analysis of the free and responsible choice which mediates the act of a birth of the person. According to the author, the experience and choice theory can be constructed only on the representations about the discrete nature of human existence.

Keywords: discrete concept of the person, choice, experience, responsibility, myth about stability mental, person.

- Bergson A.* Dva istochnika morali i religii. — M.: Kano, 1994. — 346 s.
- Mamardashvili M.K.* Kartezinskie razmyshlenija. — M.: Progress, 2001. — 352 s.
- Mamardashvili M.K.* Filosofskie chtenija. — SPb.: Azbuka-klassika, 2002. — 832 s.
- Dekart R.* Sochinenija. — M., 2006. — 656 s.
- Vikipedija: Apperpcija. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Aperpcija>.
- Fuko M.* Istorija bezumija v klassicheskiju jepohu. — SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. — 576 s.
- Fuko M.* Nenormal'nye: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1974—1975 uchebnom godu. — SPb.: Nauka, 2005. — 432 s.
- Vikipedija: Smysl. — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Smysl>.
- Pogodin I.A.* Dialogovaja model' geshtal't-terapii: sbornik statej. V 5 t. T. 4. Dialogovofenomenologicheskaja model' kontakta / I.A. Pogodin. — Minsk, 2009. — 102 s.
- Mamardashvili M.K.* Kak ja ponimaju filosofiju. — M.: Progress, 1992. — 416 s.
- Pogodin I.A.* Dialogovaja model' geshtal't-terapii: sbornik statej. V 5 t. T. 5, kn. 1. Psihoterapija Perezhivaniem / I.A. Pogodin. — Minsk, 2011. — 120 s.